

© 1997 г., ЭО, № 5

Г.А. Романов

СЕМИСОБОРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КРЕСТНЫХ ХОДОВ В МОСКВЕ XVI в.

Одним из наиболее известных исторических источников о Москве XVI в. считаются решения Поместного собора Русской православной церкви 1551 г., изложенные в 100 главах, отчего этот собор епископов, на котором присутствовали царь Иван IV и митрополит Макарий, принято называть «Стоглавым». Об истории проведения собора писали В. Бочкарев¹, Л.В. Черепнин² и др. Списки «Стоглава» были разосланы в качестве наказа по городам, многократно переписывались и оказали значительное влияние на жизнь русских городов, равняя ее на московский образец. Основопологающим принципом церковной жизни города объявлялась обязательная организация соборов священнослужителей. Москве, как указывалось, «достоит быти» семи соборам³. В 1551 г. к кремлевским соборным храмам надлежало добавить еще семь соборных церквей.

В 1836г. Археографическая экспедиция Академии наук опубликовала «Соборный приговор 1551 г. об учреждении и обязанностях московских поповских старост», который дополнил Новгородский список «Стоглава»⁴. В 1863 г. Д.Е. Кожанчиков издал два самых полных списка «Стоглава»⁵. К концу XIX в. наиболее близким к первоначальному тексту историками было признано издание под редакцией проф. Н.И. Субботина. В 1877 г. на основании публикации Археографической экспедиции И.М. Снегирев и А.А. Мартынов, дав перечень семи соборных храмов Москвы, утверждали, что московские семь соборов учреждены по подобию соборов Новгорода и Пскова⁶. Эту версию трактования событий позднее повторили Н. Антушев⁷, Н.А. Гейнике⁸, П.Г. Паламарчук⁹ и др. Между тем история соборов священнослужителей, представляющая по первоисточникам, оказывается гораздо интереснее предложенной схемы.

К сожалению, в православной культуре одним и тем же словом «собор» принято называть хотя и взаимосвязанные, но совершенно разные явления. *Собор, собрание епископов* – это высший орган церковной власти. Семь вселенских соборов святых отцов установили законы церковной жизни. На Руси проходили поместные соборы, одним из наиболее значительных был Стоглавый собор 1551 г.

Собором, соборной называется церковь, предназначенная для совместного богослужения нескольких священников (*иереев*), один из которых обязательно главный. В монастыре таким иереем является игумен или архимандрит. Такая соборная церковь называется *монастырской* – например Рождественский собор московского Рождественского монастыря.

В епископском городе в городском соборе находится кафедра епископа, поэтому соборная церковь там называется *епископским собором*. Епископ – главное лицо в богослужении в этой церкви. В епископском соборе по очереди служат священники и диаконы. Из «чередных» священников старший – протопоп, а из – «чередных» диаконов – протодиакон. Когда служит епископ, то с ним сослужит архидиакон.

В древнерусском городе 100 священнослужителей на собрании избирали себе старшего священника, которого называли старостой поповским, или протопопом¹⁰.

Собор – церковь старосты, где на соборном богослужении во главе священников служит староста поповский.

Наконец, *собор* – это само объединение городских священнослужителей, выбравших себе старосту. Полностью он называется *городской собор священнослужителей*. Это собор, который проводит городской крестный ход. Значение слова «собор» в древнерусских документах устанавливается по смыслу текста.

С проведением крестных ходов связано и возникновение городских соборов священнослужителей. Необходимость хождения соборами возникла тогда, когда в городской соборной церкви накапливалось много святынь, предназначенных к выносу в соборном крестном ходе. Священников соборной церкви не хватало, и приходилось привлекать приходских или монастырских, которые в этом случае уже не могли нести святыни своих церквей. Выход находили в том, что в городе устраивали как минимум два церковных собора священнослужителей (как во Пскове 1392 г.), которые по очереди носили городские святыне и кресты¹¹.

То, что такая организация была традиционной для русского города, свидетельствует послание московского митрополита Киприана псковскому духовенству в 1392 г.: «Благословение Киприана, митрополита Киевского и всея Руси во Псков, детем моим, попом сбору Троецкому и Софийскому и всем попом Псковьским»¹². В 1392 г. во Пскове было два церковных собора по 100 священнослужителей в каждом. К ним обращены слова поучения митрополита московского Фотия в 1416 г.: «А в неделю (воскресение), коли с кресты ходят соборы, ино чтется Евангелие к востоку, а и всегда»¹³.

В 1455 г. московский митрополит Иона в послании ко псковичам обращается уже к пяти церковным соборам: «Посаднику степенному и старым посадником и архимандритом и игуменом сбору Святыя Живоначальныя Троица и прочем сбором»¹⁴. В 1471 г. московский митрополит Филипп посылает псковичам грамоту на устройство шестого собора: «В дому Святыя Живоначальныя Троица во Пскове, посадников степенных и сынов посадничьих и бояр и купцов и житых людей во псковской земли: что у них держит старина их, в дому Святыя Живоначальныя Троица у них пред ней болшей събор, а потом Святыя Софеи второй събор, а Святого Николы чудотворца третьей събор, а у Великого Спаса у них събор четвертый, а в Похвале Пречистыя Богородицы пятой събор, и они ми били челом от всея Псковския земли, с написанием грамот от священноиноков и от всех священников и от диаконов от всех их пяти съборов, моля и прося и челом бия, чтобы собе устроили по нашему благословению в Пскове шестой събор, в славу Божию и в великую честь Святыя Церкви, и в великую богомолью господина и сына моего Великого князя Ивана Васильевича и его сына Ивана Ивановича да и всего Православия; а в церкви де Святыя Божия Входа в Иерусалим; а в тот де събор у них священноиноков да и священников обретесь сто и два служителя церковных... И Аз Филип митрополит всея Руси, о том обговоря со своим господином и сыном, с великим князем Иваном Васильевичем и с его сыном с великим князем Иваном Ивановичем пожаловал есмь их: благословил и веле есмь им учинити себе в Пскове шестой събор в славу Божию да и в их богомолью великих князей да и всего Православия»¹⁵.

В документах речь идет о норме, сформулированной в московском приговоре 1551 г. об устройстве городских соборов в Москве: «Колико будет старост, толико и соборов; и во всяком соборе назнаменовати, избрав, Святому храму имя, по митрополиту благословению, и того б храму имя собор именовался, якоже и впреди речено: к нему сходятся вкупе от всех тех храмов, которые причтены тому собору, о Божественном молении и со кресты честными хождение, всякаго ради прошения о полезных по настоящих временех, и тех всех Святых на почесть праздником еже со кресты хождение»¹⁶. Соборный приговор четко связывает назначение городских соборов с организацией и проведением городского крестного хода. К соборной церкви сходятся со своими иконами и крестами священники и прихожане всех причтенных церквей. В дальнейшем на общемосковский ход к соборной церкви Успения Богородицы двигался уже ход городского собора священнослужителей.

В возникновении семи псковских и семи новгородских соборов священнослужителей была существенная разница. Во Пскове семь соборов получилось в 1471 г. Они накапливались постепенно, по мере роста числа священников. В Новгороде же сразу устроили специально семь соборов, следуя толкованию митрополита Киприана о Софийской иконе Софийского собора: «Премудрость, говорит, созда себе дом и утверди столпов седмь»¹⁷. В 1417 г. новгородский «владыка Симеон с всею седмию съборов и с христианы с кресты обходи около всего города»¹⁸.

У псковских и новгородских городских соборов священнослужителей имелось еще одно различие: во Пскове соборные церкви не менялись после смерти старосты. Новый протопоп соборной церкви становился новым старостой. Смена старосты даже в случае его провинности превращалась в сложную проблему. Поэтому в 1427 г. митрополит Фотий возмущался положением дел во Пскове: «Таковии у церквей старостят, с женами с законными разступився, а поняв вторую жену или третью, яко прелюбодейцы;... како пишут богоноснии отцы: первый брак, пишет, закон, второй – прощение, третий – законопреступление»¹⁹. В.Л. Янин в двух своих работах исследовал семисоборную роспись Новгорода. И в работе о новгородских посадниках²⁰, и в труде, анализирующем сведения о семисоборных церквах²¹, он отмечал, что соборные церкви в Новгороде менялись.

Московские соборные приговоры 1551 и 1594 гг.²² об учреждении в Москве поповских старост свидетельствуют, что главным назначением соборов священнослужителей было организованное проведение крестных ходов. Соборный приговор 1551 г., составленный «по благословению и уложению святейшаго Макария, митрополита всея Руси», неразрывно связывал городской собор с крестными ходами: «К нему сходятся вкупе от всех тех храмов, которые причтены тому собору, о Божественном молении и со кресты четными хождение, всякаго ради прошения о полезных по настоящих временех, и тех всех Святых на почесть праздником еже со кресты хождение»²³. Соборный приговор 1594 г. говорит более развернуто: «В своем государеве царствующем граде Москве учинити старост поповских и десятских для церковного благочиния и всяких ради потреб церковных; и по вся воскресения к молебном и во уроченные дни за кресты ходили бы ото всяких церквей священницы и диаконы, ... и со кресты б ходили по тому ж благочинно, священницы в ризах и дьяконы в стихарех, и от крестов к себе по домом не расходилися и с образы б по улицам не отставали, а приходили б со кресты и с образы все священницы и дьяконы в соборную церковь Пречистыя Богородицы»²⁴.

Анализ сохранившихся документов позволяет установить последовательность принятия решений о городских соборах священнослужителей. В январе 1551 г. митрополит Макарий обращается к священникам и диаконам Москвы со следующим предложением: «Достоит убо седмь соборов учинити и седмь старост устроити, и по тем разочтет церкви и попы и диаконы: 1-й собор Всесвятский в Черторьи, 2-й собор Борисоглебской, 3-й собор Никитской на Никитине улицы, 4-й собор Введенской во Псковичах, 5-й собор Покровский на Площадки, 6-й собор Ивановский за Болотом, 7-й собор Варварский в новом городе и в старом. И тех избранных старост перед митрополитом привести, и он разсмотря их, доволне наказав, и придаст им закон Божественных Писаний соборного уложения, по правилом Святых отец, ... и да благословит их на соборное согласие о Бозе подвизатися»²⁵. Соборный приговор содержит краткий проект уложения обязанностей поповских старост.

В феврале 1551 г. проходит собрание священников и диаконов Москвы, на котором обсуждались предложения святителя Макария. 17 февраля 1551 г. собрание посылает митрополиту отчет о состоявшихся выборах. Историк из Одесского университета А. Павлов в рукописном сборнике из собрания Уварова²⁶ в списке «Стоглава», в свое время направленном «в Вязьму и в Хлепен», обнаружил и опубликовал приписку: «Лета 7059 (1551) февраля в 17 день. Повелением благочестиваго царя и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, всея Руси самодержца, и по благословению преосвященнаго Макария, митрополита всея Руси и преосвященнейших

архиепископов и епископов и всего священного собора русския митрополия, избрали священницы и диаконы 7 старост в царствующем граде Москве: за оба города и на посад за Неглинну и Черторие – трех старост: Димитриевскаго попа Феодора на Воздвиженской улице, да от Иоанна Предтечи с Орбата попа Леонтия, да из Черторыи из Олексеева монастыря из девичья, из придела от Преображения Господа Бога и Спаси нашего Иисуса Христа попа Димитрия; а на болшей посад и за Язуу дву старост: Предтечинскаго попа Григория из Котельников, да от Гавриила святаго попа Андрея из Мясников; а за реку за Москву избрали в старосты Архангельскаго попа из Руновки; а в новый город и в старой избрали от Зачатия Святыя Анны попа Иосифа из новаго города.

А церквей за Неглинною и в Чертории 113, а попов 120, а диаконов 73. И всех попов и диаконов за Неглинною и в Чертории 193. А на болшем посаде и за Язуоу церквей 107, а попов 108, а диаконов 70. И всех попов и диаконов на болшем посаде и за Язуоу 178. И в старом городе церквей 42, а протопопов и попов 92, а диаконов 130. А в новом городе церквей 38, а попов 39, а диаконов 27. И всех попов и диаконов в обоих городех 196. И всех церквей в обоих городех и на посадех 6 сот 44 церкви»²⁷.

В заключение документа содержится обращение к владыке Макарию: «И как по тем святым церквам розчитати храмы, старосты и пятидесятских и десятских священников и диаконов и всего Московского царства обоих городов и заполья елико как вместить по вашему розсуждению».

Как мы видим, священники были избраны не из рекомендованных, а из других близлежащих церквей. При этом соблюдалось не псковское, а новгородское правило: церкви объединялись в районы не вокруг заранее избранного соборного храма, а по кусту расходящихся от Кремля улиц, т.е. по концам. До 1551 г. жители разделяли Москву на «старый город» – Кремль, «новый город» – Китай-город, Большой посад, распространившийся в междуречье Москвы-реки и Неглинной, Занеглименье и Замоскворечье. Ядро города в середине XVI в. составляли Кремль с Китай-городом. Интересно, что «оба города и заполье», как говорилось в документе, представляли собой образ «всего Московского царства». Собрание святынь многих русских городов в разных московских храмах служило основанием для такого образа.

В Занеглименье было устроено три собора священников, причем старостами оказались избраны священник Феодор из церкви св. Димитрия Солунского на Воздвиженке (церковь находилась в начале улицы, недалеко от Кремля, со стороны Никитской ул. на месте западной части д. № 4²⁸), священник Леонтий из церкви Усекновения главы св. Иоанна Предтечи в Старой Конюшенной слободе при царских конюшнях (на месте д. № 19 по Староконюшённому пер.²⁹) и священник Димитрий из придела Преображения Спасителя собора во имя св. Алексея, человека Божия Алексеевского монастыря (на месте храма Христа Спасителя³⁰). В трех соборах было 120 священников, т.е. около 40 священников в одном соборе.

На Большом посаде в междуречье Москвы-реки и Неглинной было устроено два собора священников. Их старостами стали священник Григорий из церкви Усекновения главы св. Иоанна Предтечи в Котельниках у Язуы (на ее месте в XVII в. построена церковь св. Николая Чудотворца в Котельниках, перестроенная в XIX в. архитектором О.И. Бове, ныне Котельнический пер. д. № 8³¹) и священник Андрей из церкви Гавриила Архангела в Мясниках (перестроенная князем А.Д. Меншиковым, она находится рядом с Мясницкой ул. ³²). В этих двух соборах было 108 священников, приблизительно поровну в каждом.

В Замоскворечье старостой избрали священника церкви Михаила Архангела в Овчинниках (Средний Овчинниковский пер. д. № 7³³). В соборе было не менее 40 священников.

Несмотря на многочисленность духовенства, Кремль с Китай-городом всегда считались одним церковным округом. Основанием тому служило представление собора священников церковной общиной, а «храм» этой общины был окружен общей стеной. Старостой собора избрали священника Иосифа из церкви Зачатия св. Анны, что в

Углу (рядом с гостиницей «Россия» и кинотеатром «Зарядье»). Протопопов и попов в Кремле и Китай-городе было 131, а священников и диаконов вместе 288, т.е. больше, чем в трех соборах Занеглименья вместе взятых.

Небольшие цифровые несоответствия скорее всего свидетельствуют о подлинности документа и дают повод для отдельного исследования, могущего их разъяснить. Именно так поступил с новгородской росписью церковей В.Л. Янин³⁴. В соборах было «где пусто, где густо», т.е. распределение священнослужителей по соборам производилось не по численности, а по районам. Из росписи видно, что окрестные храмы приписывались не к предложенной в качестве соборной церкви. В заранее определенных районах выбиралась одна из церковей, где служил самый авторитетный священник.

В документах XVI – первой половины XVII в. мы не находим названий соборов или сороков (последние учреждены в 1594 г.) в связи с привязкой их к храму (как в Новгородском чиновнике XVII в.) или местности. Документированное название московского сорока относится к концу XVII в. и передает название местности по главной улице района. В Церковно-археологическом музее Московской духовной академии в начале XX в. хранилась хоругвь, датируемая концом XVII в. На ее холсте, заключенном в железную рамку, с обеих сторон изображено Знамение Божией Матери, под которым также двухсторонняя надпись: «Хоругвь Пречистенского сорока»³⁵. Хоругвь принадлежала церкви Знамяни, что на Знаменке, бывшей соборным храмом Пречистенского сорока.

Для удобства обзора соборов и соборных церковей воспользуемся названиями сороков, употреблявшимися в XVIII в., когда после решения церковного собора 1667 г. в Москве осталось шесть сороков: Китайгородский и Кремлевский, Пречистенский, Никитский, Сретенский, Ивановский, Замоскворецкий³⁶. К перечисленным шести соборам священнослужителей можно добавить и Арбатский, существовавший с 1551 г.

В пречистенском соборе вместо предложенного храма Всех святых на Валу (построен в 1514 г. великим князем Василием Иоанновичем, разобран в 1832 г. перед постройкой храма Христа Спасителя³⁷) соборной стала придельная Спасо-Преображенская церковь Алексеевского монастыря, из которой избрали «попа Димитрия» (позже в новом каменном здании 1634 г. придел и главный престол поменялись местами). В Арбатском соборе вместо храма святых Бориса и Глеба на Арбате (находился на площади Арбатских ворот, каменный с 1527 г., перестроен в 1764 г. архитектором К.И. Бланком на средства Бестужева-Рюмина³⁸) соборной стала Предтеченская церковь в Старой Конюшенной слободе. В Никитском соборе вместо храма св. Никиты в Никитском монастыре (с 1580-х годов находился д. № 7 по Большой Никитской, угол Большого Кисловского пер.³⁹) соборной стала Димитриевская церковь на Воздвиженке. В Сретенском соборе вместо храма Введения во Псковичах (располагался в центре площади на углу Кузнецкого моста и Большой Лубянки⁴⁰) соборной стала церковь Гавриила Архангела в Мясниках. В Ивановском соборе вместо храма Покрова Пресвятой Богородицы в Садах Покровского монастыря (с 1479 г. находился на месте нынешнего здания Политехнического музея, упразднен в XVII в.⁴¹) соборной стала Предтеченская церковь в Котельниках. В Замоскворецком соборе вместо храма Иоанна Предтечи под Бором (Черниговский пер, д. № 2⁴²) соборной стала церковь Михаила Архангела в Овчинниках. В Китайгородском и Кремлевском соборе вместо храма св. Варвары великомученицы на Варварке (Варварка, д. № 2, построена в 1514 г. Алевизом, перестроена в 1804 г.⁴³) соборной стала церковь Зачатия св. Анны, что в Углу.

Известно, что в 1604 г. в Сретенском соборе соборным старостой был поп Лука из церкви Гребневской иконы Богоматери (рис. 1) на Лубянке (находилась в месте выхода ул. Мясницкой на площадь Лубянку)⁴⁴.

Из приведенного выше видно, что соборы в Москве, как и в Новгороде, были привязаны к улицам. Священники нескольких больших соседних улиц объединялись в один собор. Для Пречистенского собора базовыми улицами были Волхонка и Зна-

Рис. 1. Церковь Гребневской иконы Богоматери на Мясницкой

менка, для Арбатского – Воздвиженка, Арбат и Поварская, для Никитского – Никитская, Тверская, Большая Дмитровка и Петровка, для Сретенского – Сретенка и Мясницкая, для Ивановского – Покровка и Солянка (рис. 2). Кроме того, не было постоянно установленных соборных храмов, все решали авторитет и достоинство священника, которого выбирали старостой. После избрания поповского старосты в его храм совершались крестные ходы со всех церквей собора.

Судя по тексту приговора 1551 г., митрополит Макарий пытался объединить оба правила организации соборов. Однако развитие событий показало, что и сам митрополит, и все священнослужители Москвы видели в качестве образца только новгородскую семисоборную организацию, где на первом плане было символическое содержание.

Изложение обязанностей городских священников, десятских священников, поповских старост по проведению крестных ходов содержал «Стоглав»⁴⁵. В соборном приговоре 1551 г. митрополит Макарий указывал на совершение соборами так называемых просительных-событийных ходов («со кресты честными хождение, всякого ради прошения о полезных по настоящим временех») и праздничных («тех всех Святых на почеть праздником еже кресты хождение»). Кроме упомянутых ходов, «Стоглавом» еще вводились летние еженедельные вечерние воскресные ходы, как и в Новгороде.

Рис. 2. Семисоборные церкви XVI в., нанесенные на план Москвы 1767 г. Пречистенский собор: 11 – Всехвятская, 12 – Спасо-Преображенская, 13 – Знаменская; Арбатский собор: 21 – Борисоглебская, 22 – Предтеченская; Никитский собор: 31 – Никитская, 32 – Димитриевская; Сретенский собор: 41 – Введенская, 42 – Гаврилоархангельская, 43 – Гребневская; Ивановский собор: 51 – Покровская, 52 – Предтеченская; Замоскворецкий собор: 61 – Предтеченская, 62 – Михаилоархангельская; Кремлевско-Китайгородский собор: 71 – Варваринская, 72 – Зачатьевская. Звездочками помечены первоначально назначенные церкви. Кружками обозначены церкви, из которых позже были выбраны старосты

13 июня 1594 г. патриарх Иов обнародовал новый соборный приговор об учреждении в Москве поповских старост и десятских священников и диаконов⁴⁶. Приговор заново формулировал обязанности старост и десятских при организации и проведении крестных ходов. Им учреждались восемь сороков: «Учинити на Москве восемь старост поповских, а у них бы по сороку попов, да по 4 человека диаконов в десятских». Приговор учреждал также Поповскую избу для ведения дел церковных на Красной площади у храма Покрова Богородицы. Пять протопопов назначались «надзирать над старостами поповскими и над поны и приходити в Поповскую избу по вся дни». Надзирание было поручено «Спасскому протопопу с Дворца Пантелеймону, Стретенскому протопопу Григорью с Дворца, Вознесенскому протопопу (которой будет у Вознесенья впредь в протопопех), Никольскому протопопу Стефану, Покровскому протопопу Дмитрею»⁴⁷.

«Стоглави» и соборные приговоры показывают, что в XVI в. в Москве крестные ходы, охватывавшие всю территорию города, происходили в течение всего года и что в них участвовали все слои общества. Как указывалось в приговоре 1594 г., московские священнослужители и горожане соборно «по вся воскресения к молебном и в уреченные дни за кресты ходили»⁴⁸. С 1551 г. во все крестные ходы москвичи

ходили пособорно. Московский городской крестный ход во главе с митрополитом представлял собой последовательное шествие семи крестных ходов каждого из городских соборов со своими святынями⁴⁹.

Общемосковский ход приобрел трехуровневую структуру. К соборной церкви прихожане во главе со священником направлялись с выносной иконой и запрестольным крестом. После прибытия приходских ходов к соборной церкви начинался общий ход священнослужителей и прихожан всех церквей данного собора с хоругвями, почитаемыми иконами и выносными крестами. Наконец, совершался общемосковский ход семи соборов. Он предшествовал митрополичьему выходу к «празднику», например в Сретенский монастырь. Оттуда величественное шествие с пением и колокольным звоном возвращалось в Успенский собор Кремля. Затем, опять же с общим пением, соборные ходы расходились в разные части города. В последнюю очередь возвращались к храмам приходские ходы.

С 1551 г. воскресные (до 1594 г. недельные) вечерние крестные ходы в течение лета дважды приходили в Успенский собор Кремля, а в остальные недели сходились к соборным храмам. В неделю Всех святых и в неделю перед Воздвижением креста Господня священники и диаконы приносили кресты и выносные иконы своих соборных церквей «на похрестие» в Успенский собор Кремля к митрополиту. Исполнялся задравный молебен «за благочестиваго царя и за всех православных христиан». Соборяне знаменовались у Владимирской иконы Богоматери, и митрополит благословлял их так называемым воздвизальным крестом. Он в свою очередь знаменовался у принесенных соборными икон и целовал воздвизальный крест соборной церкви. От недели Всех святых и до недели перед Воздвижением каждую неделю (воскресение) вечером священнослужители шли крестным ходом «на похрестие» в соборную церковь своего собора, где их вместо митрополита подобным образом встречал протопоп. Поповские старосты обязаны были следить за тем, чтобы их прихожане, дьячки, пономари и диаконы «на похрестие бы и к молебном ходили с всеми соборными священниками вместе»⁵⁰.

Каждую неделю множество приходских крестных ходов сходились к своему соборному храму. Священник и диакон приходской церкви «вечерню порания отпев, и с ними их приход, мужи и жены с свечами тут же идут к соборной церкви»⁵¹. По дороге прихожане обычно пели молебны в честь святого своей церкви и «за всяко прошение». После того, как молебен был пропет, в соборном храме «благословляет крестом староста своих попов и диаконов и народ весь, и отходят в дома своя с миром, а как пойдут со кресты – звонят, а мимо которых церковей идут – звонят же»⁵².

Начальный и завершающий воскресные вечерние крестные ходы представляли собой двухуровневую систему. После прибытия приходских ходов к соборной церкви начинался общий ход всех церквей этого собора: «Возмет староста в руку животворящий крест, а диакон кадило, а ин диакон возмет крест выносной, который стоит за престолом, а священник возмет икону Пречистой Богородицы на престольных, а пономарь возмет хоругвь, и начнут в церкви молебен да идут со кресты в соборную великую церковь, и идучи поют молебен, а за ними идут мног народ со свечами, и дошед соборная великая церковь и дожидаются»⁵³. Обратим внимание, что в каждом из шести направлявшихся крестным ходом на Соборную площадь соборов «идут мног народ со свечами» и с пением молебнов. В Успенском соборе святитель «благословляет старосту и всех попов и диаконов и весь народ, и шед святитель с места своего и прикладывает к выносному кресту их и к честным иконам и отпускает их. И назад идучи, молебен же поют и, пришед в церковь, поют: "Владычице, прими молитву раб своих"»⁵⁴.

Соборы священнослужителей кроме воскресных совершали еще и другие крестные ходы. Крестные ходы московских соборов священнослужителей продолжались всю пасхальную неделю, начиная с понедельника: «В понедельник же святые недели, после заутренней собираются священники и старосты койждо свой собор с народом и ходят со кресты же к соборной великой церкви ко святителю и по сем ходят во всю

святую неделю промеж себя со кресты по своим церквам, совершающе молебная по прежеписанному»⁵⁵.

Престольные праздники каждой церкви отмечались крестным ходом к ней всего собора: «А которому храму праздник и того собору той церкви от всех церквей поп со крестом, диакон с кадиллом, а пономарь с выносным крестом, а сторож с выносною иконою, а ин с хороговую, да весь приход той церкви мужи и жены со свечами, отпев заутреню, и начнут молебен тому празднику и идущи поют, а народы за ними идут и вся творят по прежеписанному и у праздника молебная совершив, и священную водою кропят и возвращаются во свой храм, и совершив отпуст, отходят во своя дома»⁵⁶.

Крестными ходами отмечались и праздники монастырей. К перечисленным следует добавить обхождения соборами своих территорий крестными ходами в память избавлений от мора или от пожара. Например, известно, что Никитский сорок обходил с крестами и иконами свой район в день Сошествия св. Духа на апостолов⁵⁷. При прохождении соборного крестного хода в церквах положено было звонить в колокола. Когда крестный ход выступал на улицу, во всех близлежащих храмах начинали звонить в колокола. Колокольный звон прекращался, когда участники крестного хода покидали ту или иную улицу⁵⁸.

В крестный ход ни в коем случае нельзя было идти пьяным (следовательно, такие случаи имели место⁵⁹). За неявку священника в воскресный вечерний ход полагалось «от царя лишенным быти руги и милостыни»⁶⁰. В конце XVI столетия старостам следовало надзирать, чтобы священники раньше времени не расходились и вместо себя наемных священников в ходы не посылали: «А в которой день прилучится Иеву патриарху ходити со кресты, и того дни б священным соборам всем, попы и дьяконы, ходили с патриархом со кресты; и до тех бы мест, покамест патриарх назад придет со кресты, попы и дьяконы ото крестов не расходилися; и того смотриги и беречи старостам и десятским накрепко»⁶¹.

Символике в московских крестных ходах семи городских соборов священнослужителей, как и в новгородских ходах, уделялось главное внимание. Числам и действиям придавался духовный смысл, который сохранили толкования, записанные в начале XVII в.: «Ектения есть моление чин служащего Ангела... А еже знаменает епископ люди – сказания втораго пришествия Христова»⁶². Начальный замысел митрополита Макария о семисоборных крестных ходах, относящихся к январю 1551 г., был близок к новгородскому. Семь городских соборов представлялись образом семи вселенских соборов св. отцов, которые в свою очередь означали семь столпов Софии Премудрости Божией. Об этом и писал в соборном приговоре 1551 г. владыка Макарий: «Церковь и трапеза на собрание собором тем же убо старостам и десяцким и всего граде священником, дьяконом по повелению царя государя и великого князя, где устроено место обще соборному совокуплению, собрав аще будет достойно по царьскому велению святыи храм строити Святым богоносным Отцем Вселенских Седми Соборов, да утвержу храма паства и трапеза на собрание священником и дьяконом о духовных советах»⁶³.

«Место обще соборному совокуплению» – собранию священнослужителей крестным ходом – святитель Макарий устанавливал на Красной площади, где и нужно было возвести храм семи Вселенских соборов. Исследователь московских монастырей Л.А. Беляев сделал предположение, что скромный одноглавый храм в честь семи Вселенских соборов, построенный Иваном IV в Даниловском монастыре, мог предназначаться для общегородского собрания⁶⁴. Вместе с тем расположение семисоборного храма для еженедельных крестных ходов не только на значительном удалении от города, но и за пределами крепостных стен противоречит основополагающей идее единства собора священнослужителей – града и Церкви. Позднее Л.А. Беляев отказался от своего первоначального предположения. Он писал: «Собор Данилова остался "Семисоборным" только по замыслу и по названию – Покровский стал им по всей своей сути. Интересно, что и соборное управление городскими округами было в конце XVI века собрано к Покрову, в специальную избу для поповских старост»⁶⁵.

Идея о соборном храме семи Вселенских соборов св. отцов была только отправной точкой творческого поиска митрополита Макария. В том же приговоре отмечалось, что каждый собор священнослужителей – это не просто церковная община, а храм, церковь: «Во всяком соборе назнаменовати, избрав, Святому храму имя, по митрополичу благословению, и того б храму имя собор именовался»⁶⁶. Это означало возникновение из семи соборов апокалипсического образа семи Церквей⁶⁷. Этот образ представлял новым земным Иерусалимом времени Страшного суда уже Москву. Панегирик Москве Иоанна IV как «Третьему Риму», понимаемому как новый земной Иерусалим последних времен, содержится в одной из древнерусских летописей: «Великой нашей Русской земле... же, премилостивый царю Христе, даждь дорости, яко младенцу, и величатися, и разширятся, и всюде пребывати в мужстве совершенно и до славнаго Твоего втораго пришествия и до скончания века сего. И возсия ныне стольный, преславный град Москва, вторый Киев, не усрамлю же ся и не буду виновен нарещи того и третии новы велики Рим, провозсиявши в последняя лета, яко великое солнце, в велицей нашей Русей земли во всех градах сих и во всех людех страны сея, красуясь и просвещаяся святыми многими церквами, деревянными же и каменными, яко видимое небо светится пестрыми звездами, и утверждено Православием, непозыблемо Христовою верою, и непоколебимо от злых сретик, возмущающих Церковь Божию»⁶⁸.

На русской гравюре XVI в., которая иллюстрирует Апокалипсис, семь Церквей, показанных светильниками (выносными кадилами с горящими свечами), окружают престол св. Троицы. На нем изображена св. София, Премудрость Божия⁶⁹. Символике этой гравюры соответствовал поставленный в 1553 г. на Красной площади храм св. Троицы, окруженный семью деревянными шатровыми церквами⁷⁰. Вспомним, что распределение священнослужителей по соборам производилось не по численности, а по заранее определенным митрополитом Макарием районам, окружавшим Красную площадь с храмом св. Троицы.

В русских народных духовных стихах встречается утверждение о том, что местом Страшного суда будет Голгофа, где Спаситель изливал свою кровь за людские грехи⁷¹. С учетом этого утверждения до сих пор почитаемая старообрядцами икона «Семь Церквей» (рис. 3) – духовный символ, который владыка Макарий связал с городом Москвой⁷². В центре иконы можно видеть Голгофу – престол Божий на Страшном Суде. Престол-Голгофу окружают семь церквей, как семь городских соборов окружали Красную площадь с храмом Троицы.

В связи с деятельностью митрополита Макария приведем меткое наблюдение историка архитектуры Ф.Ф. Горностаева о сооружении на Красной площади ансамбля церквей Покровского храма в память Казанской победы: «Митрополит Макарий близко принимает к сердцу выразительность духовной славы и советует царю соорудить собор с престолами "обетных" храмов, более достойный великаго события, – торжества всей Руси. Видимо, также митрополиту Макарию принадлежала и руководящая идея общей группировки необычайных форм храма... В одну линию с востока на запад сгруппированы последовательно три престола: восточный – в честь Живоначальной Троицы, средний – в честь Покрова Пресвятой Богородицы и западный – в честь Входа Господня во Иерусалим. Этим приделам лицом, руководившим постройкой собора, было придано главное значение... При группировке каменных приделов "обетнаго" храма было внесено немаловажное изменение того, что было в группе деревянных храмов. Центральный ея храм Живоначальной Троицы должен был уступить свое место храму Покрова Пресвятой Богородицы как выразителю явного покровительства Небесных Сил. Но не подобало уменьшать значение и храма Живоначальной Троицы, ему и было отведено в группе каменных храмов первое место на востоке (место алтаря). Покровский собор долго после своего сооружения еще именовался Троицким собором. Третье главное место, в ряду с востока на запад, было отведено приделу Входа Господня во Иерусалим, очевидно, с предвзятой целью сделать этот придел, а вместе и самый собор, местом для совершения особого

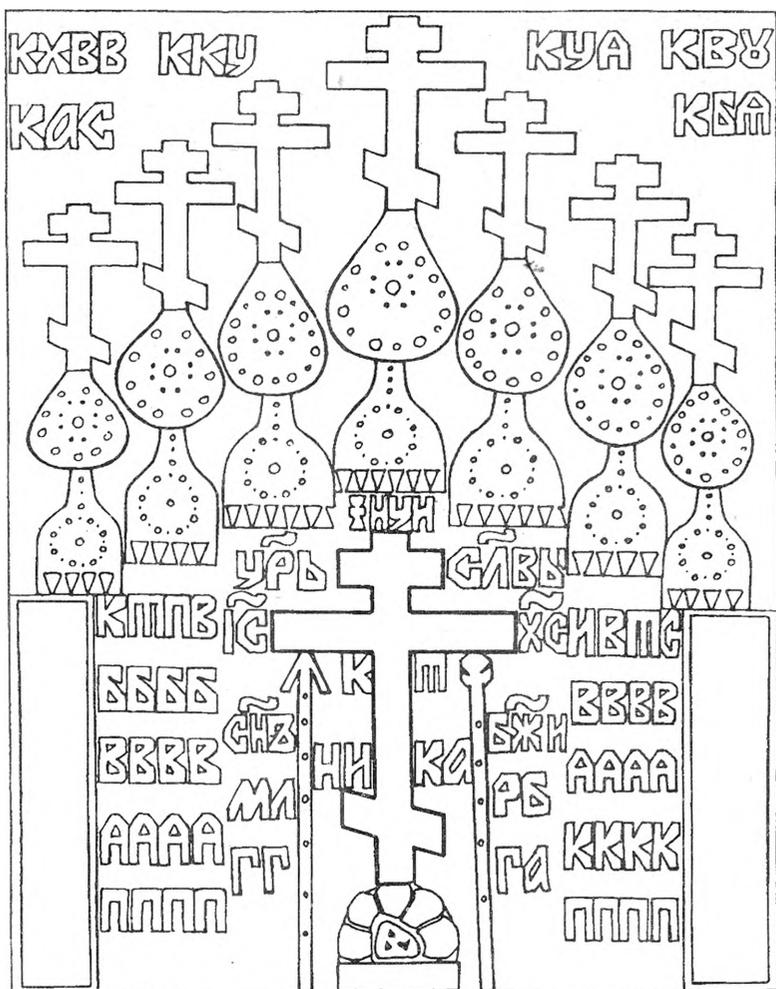

Рис. 3. «Семь Церквей. Крест-Церковь». Прорись иконы

духовного торжества – "шествия на осяти" в неделю Ваий из всех соборов Кремля. С этой целью лестницы около Входаиерусалимского храма были устроены так, чтобы крестный ход мог идти прямо по назначению в храм, не кружась по притворам мимо других приделов. Особая важность Входаиерусалимского храма, как видно, и дала ему значительное место. Не даром иностранцы (посещавшие Москву в XVI–XVII веках) называли Покровский собор Иерусалимом, Иерусалимской церковью, так он и прозывался, по их словам, в народе»⁷³. Широкая, четырехметровая лестница позволяла крестному ходу, прибывшему от Флоровских (Спасских) ворот Кремля, попасть внутрь храма Входа Господня в Иерусалим. Другая такая же лестница выводила ход в сторону Москвы-реки.

В результате постройки каменного ансамбля девяти памятных храмов семицерковный образ полностью перешел на Красную площадь, где, по замыслу святителя, должны были петь молебны пришедшие крестными ходами семь городских соборов. Девятиглавый ансамбль храмов оказывался образом Престола престолов для «Господа господствующих», для чего трехглавый образ св. Троицы повторялся трижды.

Некоторые исследователи полагают, что создателем ансамбля Покровского собора был царь Иван IV. Однако имеется доказательство того, что впечатляющий замысел

строительства собора принадлежал не царю, а митрополиту Макарию. Ф.Ф. Горностаев не знал истории крестных ходов Новгорода и потому назвал назначенной для крестного хода в Вербное воскресенье церковь Входа Господня в Иерусалим. На самом деле святитель Макарий, бывший 16 лет новгородским архиепископом, великолепно знал новгородскую символику и использовал ее в Москве. Он предназначал Иерусалимский храм (как и в Новгороде Великом) для хранения крупнейшего собрания мощей святых. Соответственно главным городским действием, для которого и были устроены широкие лестницы Входиерусалимской церкви, должен был стать перенос святых мощей для омовения в Успенском храме Кремля в Страстную пятницу. Главный аргумент святителя Макария заключался в том, что святые мощи, хранимые во Входиерусалимской церкви, должны стать своеобразным антиминсом престола св. Троицы.

Таким образом, напрасно, на наш взгляд, Л.А. Беляев квалифицировал планы митрополита Макария как умозрительные⁷⁴, хотя этому тщательно продуманному богослужебному действию никогда не было суждено в полной мере претвориться в жизнь. Виною тому – талантливый ученик владыки Макария и знаток символики царь Иван IV. Митрополит Макарий создал систему московских крестных ходов, представивших царя как ревнителя и защитника Церкви. Иван Грозный, прекрасно понимая роль крестных ходов для народа христианского, решил поправить святителя. Для еще большего прославления православного царя новгородский образец был заменен константинопольским. В Константинополе мощи святых хранились в домовой церкви императорского дворца, и Иван IV помещает святые мощи в Благовещенскую церковь Государева дворца.

В 1547 г. в Благовещенском соборе случился пожар. После восстановления храма в 1566 г. был освящен придел Входа Господня в Иерусалим крестовой церкви царя⁷⁵. Ключевое значение крестного хода в целях переноса св. мощей для омовения в Страстную пятницу было сохранено, и их хранителем, как и хранителем всей Церкви, представал царь единственного православного государства. Иван IV лично редактировал чины московских действий в целях придания как можно большего величия царю в крестных ходах⁷⁶.

Символическому содержанию соборных богослужений огромное внимание уделял патриарх Иов. Возвышение Московской Руси из митрополии в патриархию он пытался отразить в символике московских крестных ходов. Ходы семи соборов священнослужителей преобразовывались в крестные ходы восьми сороков священников. Летние вечерние ходы по воскресеньям, которые ранее назывались «недельными», стали «воскресными». Название «неделя» патриарх Иов поменял на «воскресение» в честь Воскресения Христова, которое отмечали в этот день недели крестным ходом. То, что это изменение было связано с крестным ходом, подтверждает народное название воскресенья выходным днем, т.е. днем соборного выхода с крестами⁷⁷. Для главных городских действий, таких, как омовение святых мощей в Страстную пятницу, была начата постройка соборного храма Святая святых с часовней Гроба Господня⁷⁸. Соборный московский крестный ход всех восьми сороков на Лобное место стал образом шествия верных на Страшный суд.

Замена семи соборов священнослужителей на восемь сороков священников должна была символизировать торжество Московской Руси. Еще в начале XVI в. св. Максим Грек утверждал, что число «8» знаменует «будущий век», Небесный Град⁷⁹. Патриарх Иов видел Москву во время крестного хода восьми сороков новым земным Иерусалимом. Позже народ воспел этот образ в духовных стихах: «Иерусалим-город городам отец... Во тем во граде во Иерусалиме, тут у нас среда земле»⁸⁰. Об этом же образе писал сам патриарх, восхваляя царя Бориса Годунова, который Москву «яко некую невесту, презрядную лепотою украси»⁸¹. В этом случае патриарх Иов использовал образ из Апокалипсиса: «И град святыи Иерусалим видех, сходящ с Небеси от Бога, приготован яко невесту украсену мужу своему»⁸².

Замена соборов священнослужителей сороками священников имела прозаическую и символическую стороны. Понять первую поможет анализ численности московских священнослужителей. В 1551 г. около 400 священников служило в 644 храмах (вместе с придельными)⁸³. Всего попов и диаконов было около 700. Разночтение между количеством священников, диаконов и количеством церквей объяснялось тем, что многие придельные и домовые церкви, учтенные в общем списке, не имели постоянных священников и диаконов, в некоторых были только священники. Недостаток диаконов особо ощущался на периферии, где укомплектованные соборы необходимы были для получения общего священного образа. Проблема, доставлявшая немало неприятностей еще новгородцам, была своеобразно решена патриархом Иовом. 100 священнослужителей, необходимых для собора, были заменены 40 священниками.

Сорок было выбрано ключевым числом благодаря его христианской символике. Число «40» являлось особым символом завершенности, таинственным знаком достаточности. Историк русской Церкви Е.Е. Голубинский засвидетельствовал, что сорок священников полагалось наименьшим нормальным числом, достаточным для учреждения собора. По мнению Голубинского, «считалось нужным для учреждения нового собора не меньше сорока священников за тем, чтобы собор имел возможность петь в один день сорок поминовенных обеден»⁸⁴. Тот же вывод повторяет и А.П. Голубцов⁸⁵.

Поскольку один собор священнослужителей знаменовал собой образ Церкви (что показано выше), то крестного хода одного сорока было вполне достаточно, чтобы образовывался ход Церкви, т.е. для городского крестного хода необходимо было шествие хотя бы одного сорока священников. Установление сороков указом 1594 г. позволило патриарху Иову учредить иерархию крестных ходов, разделив их на большие, средние и малые. Малыми назывались городские ходы из Успенского собора одного или двух сороков, средними – трех или четырех, большими – те, в которых участвовали более пяти сороков. Для больших, средних и малых ходов в Успенском соборе Кремля специально были заведены свои наборы предметов для хода: большие средние и малые хоругви, выносные кресты, кадила и другая утварь⁸⁶.

В заключение следует подчеркнуть, что символические образы крестных ходов возникали только во время богослужения и соответственно устанавливались или изменялись их символическое содержание могли только те, кто учреждал или изменял чины богослужений. Когда эти знания становились достоянием народных масс, они находили свое отражение в народном творчестве: духовных стихах, сказаниях, песнях и других произведениях.

Примечания

¹ Бочкарев В. Стоглав и история собора 1551 г. Южнов, 1906.

² Черепнин Л.В. К истории «Стоглавого» собора 1551 г. // Средневековая Русь. М., 1976. С. 118–122.

³ Стоглав / Под ред. Н.И. Субботина. М., 1890. С. 78–86, 129–150, 161–179.

⁴ Соборный приговор 1551 г. об учреждениях и обязанностях московских поповских старост // Акты собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорско Академии наук. Т. 1. СПб., 1836. № 232. С. 227–229.

⁵ Стоглав / Изд. Д.Е. Кожанчикова. СПб., 1863. С. 115, 116, 295.

⁶ Снегирев И.М., Мартынов А.А. Русские достопамятности: Т. 1. Москва. М., 1877. С. 35.

⁷ Антушев Н.А. Летопись Введенской церкви. М., 1897. С. 24–30.

⁸ По Москве / Под ред. Н.А. Гейнике, Н.С. Елагина и др. М., 1917. С. 229–230.

⁹ Паламарчук Н.Г. Сорок сороков. В 4-х т. М., 1992–1995. Т. 2. М., 1994. С. 47–49, 87, 206–207, 214–217, 248, 399, 424–425, 567–569, 570–571.

¹⁰ Соборный приговор 1551 г... С. 227.

¹¹ О крестных ходах в Москве. М., 1867. С. 4–12.

¹² Кирицян, митрополит. Послание псковскому духовенству // Акты исторические, собранные и издаваемые археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1841. С. 17–20.

¹³ Фотий, митрополит. Поучение псковскому духовенству // Акты исторические... С. 46.

- ¹⁴ *Иона, митрополит*. Послание псковичам о соблюдении православной веры во всей чистоте ея и в верности к великому князю // *Акты исторические...* С. 107.
- ¹⁵ *Филипп, митрополит*. Благословенная грамота псковичам на устройство шестаго собора // *Акты исторические...* С. 519.
- ¹⁶ Соборный приговор 1551 г... С. 228.
- ¹⁷ *Уваров А.С.* Сборник мелких трудов. Т. 1. М., 1910. С. 147.
- ¹⁸ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 3. СПб., 1841. С. 107.
- ¹⁹ *Фотий, митрополит*. Послание псковским посадникам и духовенству о приведении стригольников в раскаяние увещаниями и наказаниями // *Акты исторические...* С. 66.
- ²⁰ *Янин В.Л.* «Семисоборная роспись» Новгорода // *Средневековая Русь*. С. 108–117.
- ²¹ *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 309–311.
- ²² Соборный приговор 1594 г. об учреждении в Москве поповских старост // *Акты, собранные в библиотеках и архивах...* № 360. С. 439–442.
- ²³ Соборный приговор 1551 г... С. 228.
- ²⁴ Соборный приговор 1594 г... С. 439–440.
- ²⁵ Соборный приговор 1551 г... С. 227–228.
- ²⁶ Наказной список по Стоглаву // *Отдел рукописей Государственного Исторического музея*. Собр. Уварова. Д. 482. Л. 308об.–309.
- ²⁷ *Павлов А.* Еще наказной список по Стоглаву. Одесса, 1873. С. 14–15.
- ²⁸ Памятники архитектуры Москвы. Белый город. М., 1989. С. 15.
- ²⁹ *Паламарчук П.Г.* Указ. раб. Т. 2. С. 424–425.
- ³⁰ Историческое описание участка Храма Христа Спасителя // *К свету*. № 17. Символика русского храмоздательства. М., 1995. С. 118–129.
- ³¹ *Паламарчук П.Г.* Указ. раб. Т. 2. С. 399.
- ³² Там же. С. 87.
- ³³ Там же. С. 567–569.
- ³⁴ *Янин В.Л.* «Семисоборная роспись» Новгорода. С. 108–117.
- ³⁵ *Голубцов А.П.* Соборные чиновники и особенности службы по ним. М., 1907. С. 102.
- ³⁶ *Малиновский А.Ф.* Обзорение Москвы / Сост. С.Р. Долгова. М., 1992. С. 30.
- ³⁷ Историческое описание участка Храма Христа Спасителя. С. 119.
- ³⁸ *Паламарчук П.Г.* Указ. раб. Т. 2. С. 206–208.
- ³⁹ *Паламарчук П.Г.* Указ. раб. Т. 1. М., 1992. С. 214–217.
- ⁴⁰ *Антушев Н.А.* Указ. раб.
- ⁴¹ *Бураков Ю.Н.* Под сенью монастырей московских. М., 1991. С. 17.
- ⁴² *Паламарчук П.Г.* Указ. раб. Т. 2. С. 570–571.
- ⁴³ Там же. С. 47–49.
- ⁴⁴ *Антушев Н.А.* Указ. раб. С. 30.
- ⁴⁵ Стоглав / Под ред. Н.И. Субботина. С. 129–161.
- ⁴⁶ Соборный приговор 1594 г... С. 439.
- ⁴⁷ Там же. С. 441–442.
- ⁴⁸ Там же. С. 439.
- ⁴⁹ О крестных ходах в Москве. С. 8–10.
- ⁵⁰ Стоглав / Под ред. Н.И. Субботина. С. 129.
- ⁵¹ Стоглав / Изд. Д.Е. Кожанчикова. С. 295.
- ⁵² Там же. С. 115–116.
- ⁵³ Там же. С. 114–115.
- ⁵⁴ Там же. С. 115.
- ⁵⁵ Там же. С. 116.
- ⁵⁶ Там же. С. 116.
- ⁵⁷ О крестных ходах в Москве. С. 12.
- ⁵⁸ Стоглав / Изд. Д.Е. Кожанчикова. С. 115.
- ⁵⁹ Соборный приговор 1551 г... С. 228.
- ⁶⁰ Стоглав / Под ред. Н.И. Субботина. С. 129.
- ⁶¹ Соборный приговор 1594 г... С. 440.
- ⁶² Сборник толкований, нравоучительных слов и выписей начала XVII в. // *Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки* (далее – ОРРГБ). Ф. 596. Д. 35. Л. 14 об.
- ⁶³ Соборный приговор 1551 г... С. 228.
- ⁶⁴ *Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы (конец XIII–начало XV в.) по данным археологии. М., 1994. С. 124–126.
- ⁶⁵ Там же. С. 126.

- ⁶⁶ Соборный приговор 1551 г... С. 228.
- ⁶⁷ Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. Деяния Святых Апостолов. Послания Святых Апостолов Иакова, Петра, Иоанна, Иуды. Послания Святого Апостола Павла. Апокалипсис. Т. 8. М., 1992. С. 426–427.
- ⁶⁸ ПСРЛ. Т. 19. СПб., С. 205–206.
- ⁶⁹ Апокалипсис. XVI в. // ОР РГБ. Ф. 98. Д. 1844. Л. 7.
- ⁷⁰ ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. СПб., 1914. С. 559.
- ⁷¹ *Покровский Н.В.* Страшный суд в памятниках византийского и русского искусства. Одесса, 1887. С. 53.
- ⁷² «Семь Церквей. Крест-Церковь». Икона // Русская деревянная скульптура / Сост. Н.Н. Померанцев. С.И. Маленицын. М., 1994. С. 197. Ил. 140.
- ⁷³ *Горюстаев Ф.Ф.* Очерк древнего зодчества Москвы // Путеводитель по Москве, изданный Московским Архитектурным обществом для членов V съезда зодчих в Москве / Под ред. И.П. Машкова. М., 1913. С. LVI–LVIII.
- ⁷⁴ *Беляев Л.А.* Указ. раб. С. 126.
- ⁷⁵ ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 353.
- ⁷⁶ *Романов Г.А.* Крестные ходы в Москве во образ вселенского богослужения // Москва 850 лет // Кн. 1. М., 1996. С. 180.
- ⁷⁷ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. М., 1989–1991. Т. 1. М., 1989. С. 324.
- ⁷⁸ *Баталов А.Л.* Гроб Господень в замысле «Святая Святых» Бориса Годунова // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 154–167.
- ⁷⁹ *Максим Грек.* Соч. Ч. 3. Казань, 1862. С. 281.
- ⁸⁰ Голубиния книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. М., 1991. С. 37–38.
- ⁸¹ *Иов, патриарх.* Повесть о житии царя Феодора Иоанновича // Памятники литературы Древней Руси. Т. 9. М., 1987. С. 88.
- ⁸² Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе... С. 426–427.
- ⁸³ *Павлов А.* Указ. раб. С. 15.
- ⁸⁴ *Голубинский Е.Е.* История русской Церкви. Т. 2. Первая половина тома. М., 1900. С. 501.
- ⁸⁵ *Голубцов А.П.* Соборные чиновники и особенности службы по ним. С. 102.
- ⁸⁶ *Чиновник церковной о благовесте и о звону // Чиновники Московского Успенского собора и выходы Патриарха Никона / Под ред. А.П. Голубцова. М., 1908. С. 195 и др.*

G.A. Romanov. Seven Council Religious Procession Organization in Moscow in 16th c.

The author of the article notes the Landed Council of the Russian Orthodox Church passed a resolution of obligatory organization of Priests' Town Council. The beginning of Priests' Town Council was connected with the conducting of religious processions. On the basis of remained original sources the article determines the taking decisions sequence of Priests' Town Council.

© 1997 г., ЭО, № 5

Л.Н. Пушкарев

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТЯХ XVII в. О НАЧАЛЕ МОСКВЫ

Проблема «Древнерусская литература и фольклор» – одна из наиболее разработанных¹. Почти все произведения древнерусской рукописной литературы – от «Слова о полку Игореве» и летописей до сатирических повестей конца XVII – начала XVIII в. – рассмотрены в их взаимосвязях с устным народным творчеством. С другой стороны, почти все фольклорные жанры – от былин и пословиц до сказок, песен и